

ДЕТСТВО ГЕНИЯ

*(о выдающихся людях, влиянии воспитания на становление характера
будущего гения)*

ИЛЬЯ ЕФИМОВИЧ РЕПИН

(из воспоминаний)

В украинском военном поселении, в городе Чугуеве, в пригородной полосе Осиновке, на улице Калмыцкой наш дом считался богатым. Хлебопашеством Репины не занимались, а состояли в положении торговцев и промышленников. У нас был постоянный двор. Домом правила бабушка. Широко замотанная чёрным платком, из-под которого виден был бледный крупный нос, она с раннего утра уже ворчала и бранилась с работниками и работницами, переворачивая кадки и громадные чугуны, проветривавшиеся на дворе.

Отец мой, билетный солдат, с дядей Иваней занимались торговлей лошадьми и в хозяйство не мешались. Каждую весну они отпра-

влялись в «Донщину» и приводили оттуда табун диких лошадей, которых при помощи калмыков объезжали. Когда табун угоняли на ярмарку, чумаки на пустоши варили себе кашу, нам детям очень нравилось смотреть на котелок, висящий на кольях, в треугольнике, когда под ним так весело горит огонёк и стелется к Донцу голубой дымок. Лица у чумаков так черны, что даже огонёк их не освещает; и рубахи их и «штани» вымазаны дёгтем.

Мы с сестрой Устей долго их боялись и не подходили близко, хотя бегали около, играя в коня. Я держал верёвочку в зубах и старался прыгать, как дикая лошадь. Устя была за кучера.

Днём, укрываясь от солнца, чумаки лежали под телегой с таранью, среди двора, и ели чухоню — огромную светлую солёную рыбу. Заворотив книзу чешуйчатую кожу, чумак с наслаждением смаковал её понемногу, прикусывая чёрный хлеб громадными кусками.

Я родился военным поселенцем украинского военного поселения. Это звание очень презренное — ниже поселян считались разве ещё крепостные. О чугуевских казаках я только слышал от дедов и бабок. И рассказы-то все были уже о последних днях нашего казачества. Казаков перестроили в военных поселян. О введении военного поселения бабушка Егупьевна рассказывала часто, вспоминая, как казаки наши выступили в поход прогонять «хранцуза» «аж до самого Парижа». Отец мой уже служил рядовым в Чугуевском уланском полку, а я родился военным поселенцем и с 1848 по 1857 год был живым свидетелем этого казённого крепостничества. Началось с того, что вольных казаков организовали в рабочие команды и стали выгонять на работы. Прежде всего, строили фахверковые казармы для солдат. Нашлось тут дело и бабам, и девкам, и подросткам. Для постройки хозяйственным способом из кирпича целого города Чугуева основались большие кирпичные заводы. Глины кругом —

сколько угодно, руки даровые — дело пошло быстро.

Через нашу Калмыцкую улицу шла большая столбовая дорога. По минутно проезжали мимо нас тройки и пары почтовых с колокольчиками, часто проходили войска, а ещё чаще — громадные партии арестантов. Вздыхали стоявшие у калиток и ворот бабы, выносили паляницы, а мужики доставали гроши, копейки, покупали паляницы, бублики тут же в лавочке и всё это, догнавши, отдавали старшему арестанту впереди отряда. Тот принимал серьёзно и почти не благодарил.

Маменька со своей двоюродной сестрой Палагой Ветчинкиной в каждый годовой и двенадцатый праздник отвозили пироги, булки и бублики в острог и солдатский госпиталь. Уже дня за два перед праздниками пеклись булки и белые паляницы. Заезжала тётка Палага с возом, до половины нагруженным всякими кнышами, калачами и прочей снедью, и маменька с Доняшкой выносили свои запасы и полный воз везли «несчастливым».

Наша жизнь шла сама по себе: предстояла нам перемена — мы строили себе новый дом. Чаще и чаще отлучалась маменька на постройку дома. И наконец, перед нашей хатёнкой, во дворе у бабушки, появилась запряжённая телега, на которую выносили самые первые и важные вещи

для новоселья. Прежде всего, вынесли образа и установили их прочно и безопасно на передке телеги; потом деревянную чашку, ложку, что-то завёрнутое и что-то съестное. Нашу трёхцветную чёрную кошку мы держали на руках. Наконец уехали и поехали.

Далеко-далеко отъехали и ещё дальше едем, всё по над Донцом. Вот остановились у нового высокого белого дощатого забора. Здесь снимают с телеги Устю и меня; мы весело влезаем на крыльцо — чистое, белое, выструганное. Отворяют двери в сени, — можно! Но ставни затворены — темно. Доняшка отворяет ставни. Какие чистые белые полы! Мы начинаем бегать по всем комнатам. Какой огромный дом! Неужели это наш! Как весело!.. На стол в святом углу поставили образа и молитвенник и что-то завёрнутое...

В большом доме у бабеньки, в чистых горницах было очень чисто и богато. Крашенные жёлтые полы, огромные образа в серебряных ризах с золотыми венцами. В красивом комодe за стёклами висели серебряные ложечки, врезанные в дерево. Блестящий гладкий комод с необыкновенной, волнисто изогнутой крышкой особенно поражал меня чистотой, металлической ручкой и золотыми украшениями над дырочками для ключей. Только я не любил страшной карти-

ны, висевшей в чёрной раме на средней стене одной из горниц. Там был намалёван молодой курчавый панич, держащий за волосы громадную мёртвую голову с пробитым лбом. Такое страшилище эта голова — синяя-пресиняя, и панич также синий и страшный! Маменька говорила, что это Давид с головой великана Голиафа. Я боялся проходить мимо этой картины. Да нас редко и пускали в горницы; разве в праздники, когда мы ходили поздравлять бабеньку.

Как весело было нам в нашем новом доме! Всё перевезли, всё установили. Просторно! Светло! Мне особенно нравился полог над большой кроватью: по кресту до самого потолка висел плющ зелёными листьями — так похоже были крашены листья, совсем живые. В большой горнице повесили новые образа — хоть и не в ризах, как у бабеньки, но очень хорошие... На некоторых окнах в глиняных горшках стояли цветы, Устя поливала их каждое утро.

Маменька всё устраивает и покупает новые картины. Вот опять Олэша пришёл; он стекольщик и картинками торгует, сам рамки делает и стекло ставит, хохол... Очень весело смотреть, как он показывает картины. Вынет осторожно из пачки и поставит на новый буфетный шкаф со стёклами: держит картину

и смотрит на всех довольными глазами, блестит..

— А? Ось картина!.. Яки краски!.. Оце гарни картины.

Но маменька выбрала без красок — Христос в терновом венце, с тростью в руках, и глаза подняты вверх; а как руки нарисованы!..

Вечеру пришла бабушка Егупьевна и тоже принесла картины. У неё очень страшные. Слава богу, что маменька их не купила. Потом пришла странница Анюта, и маменька стала читать жития святых. Читала про Марка во Фраческой горе. Как он ушёл из своего дома и спасался один. Так интересно, так интересно! Я стал думать: «Вот если бы мне уйти также. Куда-нибудь бы во Фраческую гору спастись...» Один... мне страшно стало.

Маменька читает очень хорошо, ясно. И церковный язык так понятен, а непонятное слово сейчас же объясняет. Такой приятный голос у маменьки! Я задумал сделаться святым и стал молиться Богу. За сарайчиком, где начинался наш огород, высокий тын отделял двор от улицы — уютное место, никто не видит. И здесь я подолгу молился, глядя на небо...

Батеньку недавно опять угнали в солдаты. Без батеньки мы осиротели. Его «угнали» далеко; у нас стало бедно и скучно, и мне часто хотелось есть. Очень вкусен был чёрный хлеб с крупной серой солью, но и его

давали понемногу. Мы всё беднели. О батеньке ни слуху, ни духу; солдатом мы его только один раз видели в серой солдатской шинели; он был жалкий, отчуждённый от всех. Маменька стала плакать и работать разное шитьё — шубы осиновским бабам, на заячьих мехах: у нас пахнет мехом; а ночью мы укрываемся большими заячьими, сшитыми вместе мехами. Спать под ними жарко.

Я подбираю на полу обрезки меха для моего коня; из них делаю уши, гриву а на хвост мне обещали принести, как только будут подстригать лошадей у дяди Ильи, настоящих волос из лошадиного хвоста. Мой конь большой; я могу сесть на него верхом; конечно, надо осторожно, чтобы ноги не разъехались, ещё не крепко прикручены. Я так люблю лошадей, что всё гляжу на них, когда вижу на улице...

А сестра Устя увлеклась вырезыванием из бумаги коровы, свиньи, я стал вырезывать лошадей и мы налепливали их на стёкла окон. По праздникам мальчишки и проходящие мимо даже взрослые люди останавливались у наших окон и подолгу рассматривали наших животных.

Вот и нехитрое начало моей художественной деятельности. Она была не только народна, но даже детски простонародна. И Осиновка твёрдо утаптывала почву перед нашими окнами, засыпая её шелухой

от подсолнухов. На рождественские праздники к нам отпустили нашего двоюродного брата, сироту Троньку. Он работал мальчиком в мастерской у Касьянова, моего крёстного, портного для «господ военных». Тронька принёс с собой рисунки, изображающие Полкана, и я очень удивился, как он хорошо рисует. Под каждым рисунком он старательно подписывал «Полкан» и свою фамилию: Трофим Чаплыгин. На другой день Трофим из плоской коробочки, завернутой в несколько бумажек, достал краски и кисточки. В городе в их мастерскую приходит много разных людей; аптекарь принёс Трофиму краски и кисточки. В аптеке краски сами делают. Трофим знал названия всем этим краскам: жёлтая — гуммигуд; синяя — лазурь; красная — бакан и чёрная — тушь.

Красок я ещё никогда не видал и с нетерпением ждал, когда Трофим будет рисовать красками. Он взял чистую тарелку, вывернул кисточку из бумажки, поставил стакан с водою на стол, и мы взяли Устину азбуку, чтобы её некрашенные картинки он мог раскрашивать красками. Первая картинка, арбуз, вдруг на наших глазах превратилась в живую; то, что было обозначено на ней едва чёрной чертой, Трофим крыл зелёными полосками, и арбуз зарябил нам в глаза живым цветом; мы рты разинули. Но вот было чудо,

когда срезанную половинку второго арбузика Трофим раскрасил красной краской так живо и сочно, что нам захотелось даже есть арбуз; по красной мякоти кое-где чёрные семечки — чудо! Чудо!

Трофим оставил мне свои краски, и с этих пор я так в них впился, в свои красочки, прильнув к столу, что меня едва отрывали для обеда и срамили, что я совсем сделался мокрый, как мышь, от усердия и одурел со своими красочками за эти дни.

Пришла однажды Доня Бочарова, двоюродная сестра, подруга Усти. Когда она увидела мои рисунки красками (я уже начал понемногу пробовать рисовать кусты и тёмную зелень роз и розовые цветы на них), Доне так понравились розовые кусты, что она стала просить меня, чтобы я нарисовал для её сундучка такой же куст: она прилепит его к крышке. И ещё она принесла мне от своего брата Ивани сказку о «Бове-королевиче» с картинками. Заказ Дони Бочаровой потянул и других подруг Усти также украсить свои сундучки моими картинками, и я с наслаждением упивался работой по заказу.

А самым важным в моём искусстве было писание писанок к Великодню. Я и теперь вспоминаю об этом священнодействии с трепетом. Выбирались утиные или куриные яйца размером побольше. Делалось два

Детство гения

прокола в свежем яйце — в остром и тупом конце, и сквозь эти маленькие дырочки терпеливым взбалтыванием выпускалась дочиستا вся внутренность яйца. После этого яйцо долго чистилось пемзой, особенно куриное; утиные, по своей нежности тонкости, требовали мало чистки; но вычищенное куриное яйцо получало какую-то розовую прозрачность, и краска с тонкой кисточкой приятно впитывалась в его сферическую поверхность. На одной стороне рисовалось воскресение Христа; оно обводилось пояском какого-нибудь затейливого орнамента бук-

вами «Х. В.». На другом можно было рисовать или сцену преобразования, или цветы — всё, что подходило к Великодню. По окончании этой тончайшей миниатюры на яйце она покрывалась спиртовым белейшим лаком; в дырочки продёргивался тонкий шнурок с кисточками и завязывался искусными руками — большей частью делала это Устя. За такое произведение в магазине Павлова мне платили полтора рубля. Так начался мой путь в искусство.

*Источник: Репин И.Е.
Далёкое близкое.
М., Искусство, 1953.*

